

Интервью с Галиной Иосифовной САГАНЕНКО

«ДОРОГИ ХВАТИТ НА ВСЕХ»

Саганенко Г. И. – окончила математико-механический факультет ЛГУ, доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского Университета культуры и искусства. Основные области исследования: математические и качественные методы социологии, наркомания, социология образования. Интервью состоялось в 2010 году.

Раньше Галины Саганенко в Ленинграде социологией стали заниматься лишь И. С. Кон, В. А. Ядов, А. Г. Здравомыслов и еще пять-шесть человек. Да и в Союзе в то далекое время социологов было совсем немного. Что касается прихода в социологию специалистов с математическим образованием, то с вероятностью 0,99 она – первая. С нее начинается развитие этого процесса в нашей стране.

Сначала ее имя вошло в историю советской/российской социологии как соавтора «Человека и его работы», потом – укрепилось как активного участника проекта по изучению иерархической структуры ценностей. Затем с небольшими просветами вышли книги Галины, однозначно закрепившие за нею лидерство в анализе качества первичного измерения в социологии и в разработке проблем повышения надежности результатов социологического исследования в целом.

С перестройкой она с головой погрузилась в разработку новой исследовательской технологии, позволяющей выявлять и описывать новые коллизии быстро изменяющегося общества и жизни людей. Опубликовала книги и провела массу исследований, построенных на системах открытых вопросов.

В последние годы она раскрылась еще в двух ипостасях. Первая, страстная и в высшей степени продуктивная гражданская и научная деятельность в сфере борьбы с наркоманией. Вторая, не менее привлекающая ее и эффективная преподавательская работа.

Саганенко Г. И.: «Дороги хватит на всех»¹

Галя, мы с тобою знакомы десятки лет и все же есть часть твоей жизни, которой я не знаю, давай туда и заглянем. Пожалуйста, расскажи о твоих более ранних годах, о родителях, где училась, чем интересовалась?

Боря, смотря я на эти твои вопросы и впадаю в прострацию — мое детство было так давно и уже мало что волнует меня из тех времен. Хотя все говорят, включая «товарища Фрейда», — что все мы вышли из детства. Под настроение, наверное, можно было бы что-то вспомнить. Например, пионерские лагеря, когда я жила в Бурят-Монгольской АССР, где провела 14 лет своего детства.

Училась я вроде очень хорошо, но получить все пятерки было почти невозможно. Например, географиня говорила, что даже она не знает географию на пять. Раз меня чуть было не послали в Артек в 6-м классе — у закончивших на «отлично» учебный год тогда была такая привилегия, из рабочего поселка при Авиационном заводе съездить в Артек. Но поехал мой одноклассник — Юра Бадмаев, хотя вроде и не был он в том году явным отличником, но папа его был из местных национальных кадров.

В 6-м классе во второй четверти в очередной раз не получилась у меня пятерка по математике, я, видимо, рыдала безудержно. Учительница утешала меня: «в следующей четверти обязательно должно получиться». Так что в третьей четверти — вся дорожка по математике напротив моей фамилии была сплошь заполнена почти одними пятерками.

С середины 7-го класса мы переехали в Таганрог. У отца была какая-то авария на заводе в Улан-Удэ (был он замначальника цеха на Авиационном заводе), и он на полном гоноре схватил семью и полетел к братьям в родной город Таганрог. Качество жизни в семье резко изменилось.

Поначалу на новом месте как-то не стало получаться у меня с пятерками по математике. Просто спрашивали как-то по-другому, не так, как в Улан-Удэ. Потом выправилось. Школу заканчивала на серебряную медаль, но оценку по сочинению в Ростове-на-Дону (туда отвозили письменные работы претендентов на медаль) снизили до тройки, в итоге обошлось без четверок, но и без медали. Так что сдавала в вуз все пять вступительных экзаменов.

Годом раньше меня закончив школу, уехал в Ленинград мой брат Гарри и поступил на немецкое отделение в Ленгосуниверситет. Целый год в 10-м классе я решала задачи из Моденова, чтобы тоже поступить в вуз. Был такой популярный сборник задач, которые давались на вступительных экзаменах в сильнейшие вузы страны: в МГУ на мехмате, в МВТУ им. Баумана, возможно и в ЛГУ на мат-мехе. Искушение было после окончания школы поехать в Бауманку, но мне она казалась сложнее, чем мат-мех.

Брат уже год как жил в Ленинграде. Отец договорился на заводе, и на заводском самолете — кукурузнике — я впервые пользовалась воздушным транспортом — добиралась не куда-нибудь, а в Ленинград. Встретил меня брат, на пару дней поселилась я у брата моего отца. Жили они тогда в коммунальном подвале на 2-й линии. Интересно, через десятки лет я вдруг оказалась буквально в этом же самом, но уже благоустроенном подвале — в нем сейчас располагается общественная организация помощи зависимым людям «Наш путь», с которой сотрудничает наша организация.

На следующий день, сдав документы в приемную комиссию на математико-механический факультет ЛГУ, я получила направление на проживание в общежитии на Васильевском острове — на Детской, 50. Потом оказалось, что мало-помалу я прожила на этой Детской около восьми-девяти лет.

Не так давно сели мы с внучкой на велосипеды и вечерком по опустевшему городу проехали до дома №50 на Детской улице — была идея показать ребенку места своей

1 Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 5. С. 2–14.

«боевой славы». Увы, общежитие «экспроприировали» у студентов и модернизировали его под элитный дом для сотрудников Университета.

Более двух лет назад ты писала мне: «...Я поступила на матмех ЛГУ в 1957 году, приехав из провинциального Таганрога и выдержав конкурс в 4,2 человека на место; получила 21 из 25 баллов и была зачислена на факультет. Матмех на моих глазах перемальвал судьбы огромного числа людей, особенно сильно пускали под откос производственников. На втором курсе в 17 лет я тоже чуть была не перемолота той бездушной машиной, которая, видимо, называется классическим обучением». Что ты имеешь в виду под «переламывала судьбы» и «бездушной машиной»?

В те годы принимали по отдельному конкурсу производственников с двухлетним стажем и тех, кто после армии. Я думаю, на нашем курсе было зачислено процентов 20% такого народа. Потом все они так или иначе были вынуждены уйти с матмеха, остались единицы. Одну-другую двойку какому-нибудь бедолаге старшего возраста мат-мех ни за что не прощал. Видимо, образцовый студент для мат-меха — это тот, который регулярно ходит на лекции, тщательно записывает «диктовки» преподавателей, выучивает их, сдает экзамены. Так рождалась масса записных отличниц: с парочкой из них я потом работала или параллельно, или в одном учреждении, их «звездность» потом никак не обнаруживалась.

Конечно, было много реально сильных математиков. Потом еще комсомольское бюро мат-меха было сплошь из «отпетых» отличников, студентов-аспирантов — Василий Малоземов, Владимир Демьянов, Владимир Демьяненко ... Они, наверное, сейчас весьма солидные люди, но я имею в виду те далекие годы и мое ерничанье относится к тому времени... Они задавали мне на комсомольском бюро такие смешные вопросы: «Можно ли меня считать порядочной девушкой, если я танцую ночью?»

Первый «десант» на картофельные поля Мельниковского поссовета Приозерского района был заброшен нашим достославным деканатом еще в августе, сразу после нашего зачисления в вуз, и руководили тогда той картофельной страдой как раз наши «производственники». Нас поселили, видимо, на заброшенном хуторе, а человек нас было не мало — около 30-40. Как-никак были серьезные проблемы — и как нас кормить, и как принимать и сдавать трудовые разнарядки, как достать, наконец, мясо, чтобы сварить нормальную еду — большая физическая нагрузка целый день на свежем воздухе, особенно для ребят требовала нормальной еды. И пробыли мы там до начала ноября. Там и услышали по радио, что СССР запустил первый Спутник земли.

Если учесть, что я прилетела в Ленинград в жарком июле с маленьким чемоданчиком, с двумя штапельными платьями, одной парой туфель — то это и была вся моя «совхозная экипировка». Меня наши производственники-руководители оставили на кухне, ибо в осеннюю пору на поле работать мне было не в чем и основное — полное отсутствие обуви.

Ты спрашиваешь — почему «матмех переламывал». Помню, было много разных производственников. Большинство их повывлетало на первых сессиях.

Насколько я помню, на первом курсе мы жили в нашей комнате в таком составе — Майка — из детдома, победительница каких-то гимнастических первенств, окончившая ПТУ — профорг нашего первого курса, Людмила Мальцева, Ольга Бондаренко. Майка вылетела из-за каких-то проблем с профсоюзными взносами — они у нее как-то размотались не оприходованными. Людмила, возможно, ушла с матмеха, когда я отсиживалась, восстанавливалась от матмеховских психологических травм у мамочки в городе Корсакове на Сахалине. С астрономом Ольгой Бондаренко мы заканчивали мат-мех одновременно, она тоже сходила в «академку» годом позже. Перед окончанием вуза мы выясняли с ней, кто из нас хуже учился, это был, как ни смешно, предмет нашего гонора — она взяла наши зачетки и пошла выводить среднюю,

разница оказалась на 1/1000 или 1/100, кто тогда победил – вроде зафиксировали, но, встречаясь потом пару десятков лет, каждый приписывал это скромное достижение со знаком «хуже» себе. Мой брат на филфаке также не выдержал жизненного прессинга – и тоже побывал в «академке». Такая вот была тенденция. Видимо, многие из тех иногородних, кто не брал перерыв, просто сгорели. Учеба-то тогда была реальная, загрузка полная, денег на проживание в обрез.

На втором курсе, решила я послать матмех на все четыре стороны и стала переводиться в Лесотехническую академию на факультет, где вообще не было девиц. В ректорате мне предложили замечательный девичий факультет – целлюлозно-бумажный. Но я решила разрабатывать лесоборочные комбайны, хотя в технике разбиралась никак. Меня уже брали в «Деревянную академию» на тот сугубо мужской факультет – как-никак все прошедшие конкурсы на матмех безоговорочно в других вузах признавались корифеями. Но тут моя приятельница с биофака заявила мне совершенно без тени сомнения – если уж что и заканчивать, то только Университет – он в те годы был единственный с таким статусом. И решила я тогда поменять стратегию выживания и просто взять «временный развод» с мат-мехом. На дворе был апрель-месяц, сессия вся была досдана, в деканате мне объявили, что уже назначили мне стипендию, и чего же вы проситесь в «академку». Тем более что в академку мы вас не можем отправить – нужно медицинское заключение, но можно уволиться с правом восстановления. Остановиться я уже не могла, на любых условиях должна была «взять паузу».

Понятно, вот тогда-то ты и отправилась на Сахалин...

Мама моя в Корсакове работала в общепитовской столовой завпроизводством и считала, что добыла к моему приезду «хлебное место» – продавать газированную воду с сиропом. Мол, вот прошлым летом, ее протеже заработала 300 рублей (порядком я могу ошибаться – но видимо так – раз в 10 больше стипендии). Накрасила я тогда, как юная Лолита, красной помадой губы и стала торговать водой, и нужно было не доливать сироп, чтобы был «навар». Как-то не задалась у меня эта коммерческая деятельность, через тройку недель сдала я взятую трехлитровую банку сиропа, доплатила за недостачу сиропа три рубля. И устроили меня на службу в Управление культуры г. Корсакова – поработала кассиром во всех трех его кинотеатрах. Эта культпросветработа оказалась созданной для меня. Упаковать деньги для инкассатора и составить финансовый отчет по разнице номеров билетов – не было для меня проблемой.

Просмотрела тогда многие фильмы помногу раз до сих пор помню финских «Женщин Нискавуори», венгерский «Железный цветок». Удивлялась специфике «работы с людьми»: оказывается, народ (зритель) может «доставать» человека (меня – кассира) через малюсенькое окошечко, в которое можно только просунуть денежку.

Вернулась я на матмех к четвертому семестру, но тут мне объявили, что правила поменялись, и что восстанавливаться надо было с начала учебного года. В деканате меня научили написать в Министерство высшего образования письмо с объяснением ситуации, и вскоре я была восстановлена с 4-го семестра.

Одновременно с обучением на мат-мехе ЛГУ ты проходила и «жизненные университеты», которые, думаю, потом помогли тебе в твоей социологической деятельности не менее, чем полученные тобою знания по математике. Поделись воспоминаниями об этой стороне твоей жизни.

Возможно, первым пунктом на моем эмпирически-познавательном пути была почта. Так во втором семестре моего обучения я получила «пару» по истории КПСС, и стипендия моя «сделала мне ручкой». Решили мы с братом про отсутствие стипендии в родной город Таганрог не сообщать (там осталось еще двое маленьких детей и чего зазря родителей напрягать). Но брат-то ел докторскую колбасу (классная вещь – колбаса

была нежнейшая, аромат отменный, до сих пор при воспоминании текут слюнки), а я пошла получать трудовой опыт на более скромном питании.

С начала второго курса устроилась я на почту. Общежитие было на Детской улице у Смоленского кладбища, а почтовое отделение ну прямо напротив нынешней станции метро «Василеостровская». Где сейчас сама станция метро — там как раз были дома моего участка. Первая смена — с 5-30 утра. Лестницы узкие, ступеньки высокие. Седьмые-шестые этажи. Лифтов не было. По-моему, я ходила только по черным лестницам. На каждой площадке бак для пищевых отходов. Годы спустя, пытаясь обсуждать сомнительную целесообразность этих бачков — я натыкалась на непреклонное убеждение ленинградцев — «Как это — без бачков?!» И масса аргументов «за». Казалось, вонючие бачки на площадках должны будут сопровождать всю нашу жизнь, но пришел на отечественные эмпирии «капитализм» — другая эстетика жилого дома и другие способы добывать ресурсы для экономики страны.

Разнокалиберные почтовые ящики прибиты на дверях каждой квартиры, на одной двери их могло быть пять, шесть и более; квартиры, надо полагать, были все сплошь коммунальные. На ящиках приклеены полоски с названиями из газет: «Ленинградская правда», «Смена», «Известия», еще раз «Известия»... Я искренне удивлялась, зачем столько отдельных ящиков, и уже тогда, выступая за консолидацию граждан, всю пачку газет совала в один ящик, что пошире, считая, что когда в квартире будут разбираться, кому какую газетку — наладится их общая коммуникация.

Но на следующее утро обнаруживалось мое незнание жизни и менталитета наших дорогих граждан — поступало две-три жалобы от подписчиков, тетенька-бригадир пропесочивала восемнадцатилетнюю «корректировщицу» общественных отношений...

Итак, проблемами СМИ я занялась намного раньше, тебя, Борис. Нынче это называлось бы — полевая работа, метод наблюдения, акционистские исследования, контент-анализ.

Согласен, Галя, я социологией вообще начал заниматься позже тебя и, в частности, изучением СМИ. Что было дальше?

Мой брат в те же времена смущал меня своими рассказами о сказочной сытной жизни — он с приятелем устроился на хлебозавод на Красноармейской. Каждый день они до отвала ели торты, какие-то разные кондитерские вкусности. Сердобольные работницы, жалеючи студентов, подкармливали их яичницей чуть ли не из дюжины яиц. Уверенная, что кондитерский цех прилагается к каждому хлебозаводу, я рассталась с близкой к матмеху почтой и отправилась за «хлебосольным счастьем» на Петроградскую сторону на Хлебозавод №1, на Барочной улице. Поступив на работу, к своему несказанному удивлению-разочарованию, я обнаружила, что там пекли только круглый черный хлеб. Лишь в каком-то элитном цехе производилась еще соломка, но до нас она не доходила, только и всего, что пачка соломки иногда проплывала мимо моего носа в чьих-то руках. Так что обходились мы просто горячим черным хлебом.

Устраиваясь тогда на временную работу, я искренне считала и уверенно обещала кадровичке, что пришла к ним работать всерьез и надолго, примерно на полгода, спасая им проблему нехватки рабочих рук (про отсутствие кондитерского цеха я еще не знала).

Первый опыт профессиональной «социализации» на заводе — начальница моей ночной смены дала мне в руки корчевку с железных ворсом и послала меня лазить на четвереньках под огромной круговой плитой-конвейером (диаметром так метров на 12-15) и чистить кафель в жуткой жаре, в полутьме и согнутом состоянии. Другое задание было еще более мучительным: нужно было просто сидеть сбоку у той же жужжащей круговой плиты в ярко освещенном зале, в жароизолирующей одежде и смотреть, и, если

куски теста из делителя промахивались мимо холщовой тарелки, выхватывать их из цепи. Эпизодически я засыпала и обнаруживала себя падающей на ту самую цепь конвейера, которую спасала от кусков теста.

Проработала я на том хлебозаводе 21 день. Таким образом, с текучкой кадров и летунами, в кои ряды, видимо, входила и я, познакомилась я чуть ли не раньше, чем Л.С. Бляхман и О.И. Шкаратан.

Потом была ситценабивная фабрика им. Веры Слуцкой. Находилась она на Косой линии Васильевского, совсем недалеко от моего общежития. Там я работала при станке на покраске ткани. Моя рабочая функция состояла в том, чтобы горячую ткань как-то быстро-быстро укладывать слоями на тележку, откатывать ее и заполнять следующую. Иногда этот процесс останавливался – оборудование выходило из строя, и я, лежа на двухметровой горе ткани, могла почитать книжку. Ближайшее начальство было недовольно, мои аргументы – мол, оборудование простаивает, чего бы ни почитать – не брались в расчет и «воспитание» возобновлялось.

Впоследствии, изучая отношение к труду молодых рабочих и превращение его в первую жизненную потребность, я умело отличала ориентацию на заработок от ориентации на содержание труда.

Было одно «темное пятно» в той моей рабочей биографии. Когда махать влево-вправо на укладке ткани я уставала, а эта подлая ткань с покраски текла и текла водопадом, то я так потихоньку ткань на станке придерживала, она рвалась, я по инструкции останавливала станок, шла разыскивать ремонтника и соответственно получала 15-20 или более минут на передышку.

Так что поведение луддитов в Англии мне, наконец, стало не по-книжному понятным, а социальная история России была прочувствована мною и спиной и душой.

Действительно, многие аспекты организации труда и отношения к нему ты постигала на практике. Были еще интересные «кейсы»?

Была у меня одна навязчивая идея – устроиться в трамвайный парк им. Леонова. Он был в незаселенной части Среднего проспекта, в 15-20 минутах пешком от общежития. Постоянно катаясь на матмех на трамваях этого славного парка, я видела его объявления, зазывно приглашавшие меня вроде бы на разные работы, и я шла выяснять свои возможности. Но каждый раз, как нынче выразительно говорят – был «облом», ибо мне предлагали только работу кондуктора: сумка на шее, на веревочке рулончики с билетами, и я протискиваюсь через пассажиров назад и вперед по вагону. Представить, что кто-то из знакомых и даже незнакомых обнаружит меня за этим публичным занятием, в очередной раз ошарашивало меня своей категорической неприемлемостью, и я опять ретировалась с глубокой мыслью на челе – мол, подумаю.

Однако, оценивая свою будущую работу социологом, очень сожалею, сколько было потеряно возможностей живьем, буквально в прямом смысле коснуться тех самых широких народных масс и репрезентативных товарищей, которых вскоре судьба предложит мне изучать под патронажем В.А. Ядова.

... ты всюду работала недолго, третий семестр пролетел быстро, ты, скорее всего пересдала экзамен по истории КПСС и училась уже на втором курсе. Что происходило в твоём «университете жизни»?

В третьем семестре я получила жестокий «неуд» на первом экзамене по математическому анализу, хотя готовила его тщательно и считала, что выучила предмет на пять. Все произошло мгновенно, примерно за пару минут, только за суету вокруг одного слова в определении двух сходимостей. Жизнь опять ударила по голове и чуть не полетела кувырком. И я решила взять тайм-аут...

Эта несправедливая и даже жестокая двойка дала мне потом возможность

увидеть проблему в многочисленных аспектах, обосновать проект и получить грант в РГНФ – «Право на образование в российском обществе. Практики депривации в системах российского образования». Много лет спустя, став успешным и увлеченным преподавателем, при первой встрече со студентами я иногда излагаю им свое «воспитательно-образовательное кредо», примерно в такой вот редакции: «Студенты, вы должны учиться спокойно, я никогда вас не буду доставать, ибо вот суть моих гуманистических убеждений – нет такой темы и даже целого учебного предмета, а тем более отдельного вопроса, который бы стоил судьбы студента. Правда, это не значит, что я не смогу вынуть из вас нормальные знания».

Судя по тому, что ты закончила мат-мех, ты потом продолжила свою учебу. Теперь как ты решала материальные проблемы?

Стретьего курса удалось поменять трудовую ориентацию, и стали мы с приятелями искать формы самореализации в сфере интеллектуального труда. Я даже не думаю, что зарабатывание денег было основным мотивом устроиться на очередную работу – просто, если что-то проплывало мимо носа, если была какая-то идея прихватить шанс, зацепиться, примериться к новым обстоятельствам, я старалась этим воспользоваться. Это как сейчас с грантами – если я чувствую, что есть у меня определенное представление и ресурс, чтобы заявиться на этот жанр работы/исследования – я почти всегда ввязываюсь в эту социально-методологическую интригу. В сумме я получила грантов 20-25, не считая грантов на поездки, и моих студентов/выпускников научила находить привлекательные темы и грамотно оформлять проекты на конкурсы.

К концу третьего курса я путешествовала по «злачным местам» с камчадалкой Ниной Дмитриевой, или «Димой», как ее все звали.

Нину я знал, она потом училась на нашем курсе... она не производила впечатления любительницы работать, тем более – на полях...

Первый интеллектуальный опыт можно классифицировать как «смешанный». Устроились мы в начале сентября на третьем курсе в Институт теоретической астрономии АН СССР на полную ставку лаборанта – 74 руб. Фокус состоял в том, что нас, студентов, подражали тогда только на то, чтобы, оформив нас на работу, отправить на месяц в совхоз, хотя можно даже сказать по «профильной проблематике» – изучать звезды на небе в натуральных условиях. Сельхозразрядки тогда были жесткие – какие бы вы ни были разнаучные работники, а битва за урожай не отменялась. Научные работники не хотели отрываться от своей творческой самореализации, и отдел кадров ИТА частично решил проблему совхозной повинности за счет студентов и скромных денег. На полях Волосовского района нас «академиков» было человек 35-40, включая будущего академика (уже в прямом смысле), тогда еще молодого и веселого парня.

Мы, трое мат-меховских студентов по найму, проблему трудовой повинности решали по-разному. Один – съездил в совхоз только раз, но с двумя бутылками водки. За это бригадир выдал ему справку об отработке в совхозе течение 2,5 месяцев. Он оказался наиболее креативным из нас и хорошо заработал в ИТА.

... Да именно так, Дима появилась пару раз, пробыла в сумме не более 10 дней, получила потом деньги за полтора месяца. Лично я честно зарабатывала свои кровные 74 руб. – целый месяц с энтузиазмом бросала клубни картошки в ведро и наблюдала модели участия академических работников в героической страде. Одна установка у «академиков» была очень четкая – в отдалении от полей была железная дорога, и эпизодически проходили по ней товарные поезда. Идет поезд, работнички садятся на ведра и начинают считать вагоны. Если число вагонов четное, то перекуривают 30 минут, а если нечетное – то добавляют еще минут пятнадцать.

Та осень была урожайной не только на картофель, но и для меня – урожайность

была на выговоры. В сумме их было три. Деканат объявил выговор за пропуски занятий – ударный труд на сельской ниве у них не принимался к зачету. Комсомольское бюро матмеха разбиралось с моим «моральным обликом» и объявило мне выговор «за организацию танцев ночью» (формулировку «за организацию» потом мне удалось отбить, осталось – «за танцы ночью») и деканат в купе с комсомольским бюро выселил меня из общежития; формально, «за танцы», но фактически за выяснение отношений с помощницей коменданта – уборщицей, ставшей начальницей на тот пресловутый вечер. И перешла я «на нелегальное положение» – проживала в том же общежитии, но без законного статуса, и моя судьба была отдана на милость вахтеров. Но была от той несправедливости и значительная польза – через пару месяцев, когда воспитательная акция заканчивалась, я добилась того, что меня перевели в соседнее филологическое общежитие (мой аргумент в борьбе за новый ареал обитания – что в том общежитии живет мой брат и объединение наших семейных ресурсов снизит накал наших материальных проблем). Там я узнала, что есть другие категории студентов, а именно «филологи», которые колоссально отличались от того, что имело имя «математики». Филологи существенно расширили мое восприятие мира. Кстати, и дружили мы с ними потом долго, а с матмеха – были многолетние контакты только с теми, кто жил в общежитии.

Тем самым я приуготовливалась к своей будущей профессиональной деятельности – социология ведь не занимается персонами, а только групповыми субъектами. И «профессиональное занятие» – почти в любой социальной проблематике, как потом обнаруживал мой статистический анализ, являлось сильным дифференцирующим фактором.

После ИТА была Аэродинамическая лаборатория в Главном здании ЛГУ. Это такое замечательное гуманистическое учреждение и, по-моему, из чисто альтруистических идей подкормить студентов они брали нас на лаборантские полставки и давали нам обсчитывать на электрических тогда счетных машинках профили крыла самолета (по-моему, сто раз просчитанные до нас). Так мне нужно было найти 14 неизвестных из системы 14 линейных уравнений. Еще нужно было прогнать несколько итераций, так чтобы система решений сходилась. Я добросовестно билась со сходимостью этих решений, которые, однако, упрямо не собирались это делать, и хотя была уже и пятая, и восьмая итерация, и очередной раз я начинала с нуля, а приемлемого решения все не было.

Зато я научилась считать с приличной скоростью. Но самое главное, приспособилась запоминать шестизначные числа. До сих пор запомнить номер телефона для меня не проблема. В социологии мне это очень пригодилось – мои первые от социологии шефы Андрей Григорьевич Здравомыслов и Владимир Александрович Ядов очень уважали корреляции как инструмент проверки своих нетривиальных гипотез, а считать их в лаборатории могла только я, и считать их нужно было в большом количестве.

Это еще не все... еще было, к примеру, оформление математических докторских. Каким-то образом я оказалась в лаборантах года на два у парторга мат-меха, астронома Алексея Алексеевича Никитина.

...у меня с ним были очень добрые отношения...

Да, он был мягким человеком. Легко можно прикинуть, сколько формул нужно было вписать в четыре экземпляра докторской диссертации примерно страниц так на 250. И еще надо понимать, что докторская переписывалась не один раз. Так что почерк мой шлифовался и шлифовался, а формулы в тексте вскоре стали стоять как гвардейцы на параде.

Потом у меня еще долго сохранялся навык вести записи читабельным почерком.

Моя страсть к систематическим записям явилась одним из решающих факторов, позволившим мне в 1987 г. создать уникальный научный труд о депривации в ИСЭПе ведущих социологов страны (В.А. Ядова, Б.М. Фирсова, приуроченного к уничтожению В.Б. Голофаства и др.) и поделиться результатами своего анализа с Президиумом Отделения экономики Академии наук СССР в лице академика А.Г. Аганбегяна и с Комитетом партийного контроля ЦК КПСС. Отправив в феврале в инстанции документ убийственной силы на 16 страницах, как раз накануне 27-го Съезда КПСС, я понимала, что сейчас меня начнут доставать по всем статьям, и мне понадобится много крепких нервов и недюжинного здоровья, так что на следующий день я с утра побежала купаться в проруби у стен Петропавловки. Мороз был на 13 градусов, на следующий день я укрепилась в правильности своего выбора — искупалась при минус 23 градусов, осталась жива, и с тех пор купаюсь круглый год.

...кто знает, Галя, может быть без такого плотного знакомства с реальной жизнью ты бы и из социологии потом сбежала...

... Борис, это скорее мой жанровый прием — пытаться задним числом подверстать «к моим университетам» какую-то социологическую интерпретацию,... хотя, все может быть, ты в чем-то и прав... Но ничего такого социологического я тогда не чувствовала и ничего из моих жизненных опытов мне не пригодилось в той научно-позитивистской социологии, которой мы занимались. Социология никогда не имела прямого отношения к жизни, так же, как и сейчас — к сожалению. Просто все это мне добавляло устойчивости в жизни. Но думаю, это наверняка косвенным образом вошло в мое преподавание социологии, в мою благотворную коммуникацию со студентами. Чему имею сейчас классную возможность учить студентов: пробуйте больше, пробуйте разное, говорю им, ни от чего не отказывайтесь, не передавайте никакие свои возможности другим, «давайте заниматься своим сексом сами». А то у нас есть такая глупая установка — если ты как-то извернулся, сачканул, отсиделся, ничего не сделал, вытянул оценку, переложил свою работу на плечи других, на помощников, вот это, мол, и есть правильная организация труда. Ни в коем разе!

Думаю также, что и то обилие исследовательских тем, которые меня будоражат и дают мне возможность получать самые разнообразные гранты в самых разнообразных фондах, имеют истоки в той пред-социологической одиссее. Социология получила мою открытость миру и мое любопытство и, в конечном итоге, способность уйти от шаблонов и стереотипов, находить массу сюжетов для исследований и проектов.

Из-за того, что училась я плохо, то считала, что я чего-то не выучила или что-то зевнула и потому надо, мол, сейчас самой разобраться что к чему. К тому же двигаться «по классике» (начинать с истории предмета, вникать во всякие математические основания статистики, осваивать логику дисциплины и пр.) — не было ресурсов, поэтому я начинала сразу с решения практических задач, так что я в первую очередь эмпирик и в социологии — эмпирический исследователь.

К сожалению, я в своей деятельности потратила массу времени на веру в некий академический формат, на стереотипы, на непонимание своих возможностей, на стояние за спинами «классиков»... но, оказалось, никто особо умного в методологии и эмпирии не сочинил, хотя, несомненно, были масштабные организационные проекты... А сейчас эти искуснейшие методические пилотажи и вообще никому не нужны.

Думаю, что у тебя в запасе есть еще схожие истории, но пора перейти к рассказу о том, как ты оказалась в социологической лаборатории.

Да, переберусь к ключевому социологическому сюжету: «первый математик в стане социологов» (среди питерских — точно первый)...

В общем, некоторые из нашей «поисковой команды» научились хорошо слышать и видеть. И увидел кто-то из нас объявление в газете «Ленинградский университет» примерно такого содержания – «Социологическая лаборатория философского факультета приглашает студентов на кодировку материала». У меня был 4-й курс, по-моему, была весна, когда мы с Димой появились в социологической лаборатории Ядова в разваливавшемся тогда Меншиковском дворце на его правой половине, где-то там можно было обнаружить Варьварины палаты с печными изразцами. (Запомнились там деревянные полы с заплатками, которые всегда были намазаны темно-бордовой дешевой мастикой. Теперь это филиал Эрмитажа). Скорее всего, задания по кодировке нам объяснял Андрей Григорьевич Здравомыслов, который чаще Ядова занимался организационными делами. К тому же он уже напридумал массу всяких выразительных индексов – например, делил какую-то левую оценку «работы» на оценку «дисциплины» или «инициативы», а потом эти значения нужно еще было квантовать, чтобы представить целым числом от 1 до 10 и вбить значение в перфокарту.

Речь шла о кодировании анкетной информации фундаментального лабораторного исследования «отношение к труду молодых рабочих», ставшего потом знаменитым в стране и многократно повторенного в разных точках СССР. Книга с названием «Человек и его работа», простодушно описывающая страсти первого эмпирического исследования и его участников, была переведена в нескольких странах. Закодировав положенные мне 500 штук анкет, я заработала свои 37 руб. Просмотрев несколько кодировочных листов, я обнаружила в них ошибки. Ядов страшно испугался – как же так, ошибки! Провели строгий статистический эксперимент на 10 анкет и обнаружили по 2-5 ошибок на анкету. В общем, было принято решение – все остальные из 2665 анкет перекодировать заново. Мне это не стоило больших усилий, но дало первый приличный социологический заработок.

Потом я писала в лаборатории диплом. Он назывался примерно так – «Математические методы в социологии». Могу заметить, что таким мелочам, как эмпирические расчеты средних там или дисперсий, или использование статистических критериев, выбор уровней значимости, или там оценки ошибок всякого рода, корреляции для малых и больших выборок и т.п. – на кафедре теории вероятностей и математической статистики, которую я заканчивала, не обучали. Все осваивала сама в рабочем порядке.

Не помнишь, были ли трудности с утверждением твоей темы на кафедре? Все же в то время никто не представлял, что такое социология.

Думаю, что никаких особых трудностей не было. Слава богу, что человек сам нашел тему.

И потом тебя распределили к В.А. Ядову? Тоже дело непростое...

Меня не смущало после окончания университета поехать, как и многих наших иногородних выпускников, в какой-нибудь город Жуковский, Калининград и т.п. под Москву или в какой-нибудь еще «почтовый ящик» – спрос на математиков в стране был большой. В те времена остаться в Ленинграде после вуза было фактически невозможно, разрешения на прописку получали единицы и лимитчики (работники для тяжелых производств). Ядов уже осознал, что математик – полезный работник в деле изучения массы респондентов, помноженных на массу признаков. А на те «скромные хлеба» пригласить гордого выпускника матмеха с ленинградской пропиской, нечего было и рассчитывать – у Ядова была только ставка лаборанта на 83 рубля, временно освободившаяся от Эдуарда Беляева.

Поэтому он пошел договариваться с ректором А.Д. Александровым, и в итоге меня оставили по распределению в Ленинграде, предоставив место в студенческом

общежитии.

Потом были мои слезы в процессе многократных мытарств, когда мне не давали права на вступление в кооператив в моих попытках самостоятельно решить свою жилищную проблему. После очередных слез я заявила Ядову – никуда больше не пойду, пока не будет «звонка». И был «звонок», видимо, из Отдела науки Ленинградского обкома КПСС, и мне разрешили вступить в жилищный кооператив. Но это еще не был конец. Моя частично проплаченная квартира уже всю строилась, но я потеряла всякую прописку – когда мы перешли из ЛГУ в Академию наук, и моя, как оказалось, незаконная студенческая прописка была выявлена в Большом доме на Литейном. И опять после многократных мытарств я заявила Ядову – никуда не пойду, пока не будет «звонка». И, видимо, опять был «звонок», и меня прописали в общежитии Академии наук. Потом было новоселье на Альпийском переулке: Владимир Александрович, Игорь Семенович Кон, Дима Шалин, Вера Васильевна Водзинская, Галина Красноносенко, Галина Пожарская, Вера Николаевна Каюрова сидели на березовых чурочках, и было пение, кто-то из гостей хорошо настроил нашу спевку, может это был Андрей Григорьевич. Лаборатория подарила в мою пустую квартиру кресло и торшер. Потом была свадьба с Игорем Степановым и личный подарок от Ядова – комплект на стенку разделочных досок; до сих пор я использую их в своем кухонном хозяйстве. Потом родился сын Володя, и Ядов стал его крестным отцом...

Закончив мат-мех, я забыла о нем, как о черном сне. Я нередко перед своими новыми студентами во вступительной беседе на тему «Что есть такое Учеба, или Учебы бывают разные» озвучиваю вот эту живописную картину: «Заканчивается мой пятый курс, уже сдан госэкзамен по марксистко-ленинской философии. Осталась только защита диплома (а дипломная работа была уже в кармане)... Состояние ожидания и душевного подъема. Я сажусь на электричку, время примерно конец апреля – начало мая, заехала куда подальше за Кавголово, солнечный день, пробираюсь по пустому прозрачному лесу, проваливаюсь по колено в рыхлом снегу и кричу – кричу в полный голос: «Все!.. Все кончилось!!.. Кончилась вся эта бодяга с напряжениями, обязательками, математиками, экзаменами! Кон...чи...лась!.. Ура...а...а!».

У меня появилась масса регулярных занятий: скалолазание, альпинизм, тренировки-тренировки-тренировки и любимое хобби – социология. И когда через 20 лет я вдруг получаю открытку, что наша студенческая группа приглашает всех на общую встречу, я была в панике – с кем же это я училась, как бы это вспомнить, ведь у меня было две группы. При окончании ЛГУ я от альбома отказалась, так что не было материала, чтобы сохранять живые образы и имена и систематически предаваться воспоминаниям.

Если мне придется писать воспоминания, буду ориентироваться на твои сюжеты... я поступил на два года позже, работал осенью на тех же полях, что и ты, летом – стройки, ради денег – Бадаевские склады, прядильно-ниточный комбинат им. Кирова, какой-то жирно-масло завод на Обводном канале, целина и прочее, но мои воспоминания о матмехе – самые светлые. Ты права, Демьянов и Малоземов стали известными математиками, с последним я переписываюсь... Давай сделаем так, про твое, как ты говоришь, главное хобби - социологию, поговорим ниже, а пока – кратко об альпинизме и скалолазании... грех не вспомнить...

Я долго соображала – «благодаря» или «вопреки» матмеху я состоялась. Сначала я думала «вопреки» – я ведь не должна была выжить, вообще должна была добровольно «повеситься», ибо человек, даже изредка получающий пары, по мнению записных отличников, не достоин был жить на этом свете.

Примерно это выразили мне на той двадцатилетней встрече – «Ну надо же, ты была хуже всех нас,... а теперь ты лучше нас». В каком смысле – хуже вас? Это вы

ходили с задранными носами, носили как на блюде свои четверки-пятерки и считали, что они – мера всех ваших достоинств. А мы дружили, любили, танцевали, занимались спортом, тоже учились – между прочим, приобретали жизненный и профессиональный опыт, получали свои шишки и делали выводы. По какому праву вы вообще порицаете или хвалите людей? И ваше нынешнее «лучше нас» – не есть свидетельство вашей справедливости/объективности, а признак все еще длящейся глупости.

Сейчас я склоняюсь к оценке «благодаря мат-меху» – он щипал, кусал, налетал, сшибал, приходилось защищаться, в общем, научилась держать удар. Потом, да и сейчас – когда начинают наезжать обстоятельства или отдельные товарищи, я становлюсь упругой как мячик, у меня появляется любопытство, захватывает интрига, желание проверить себя, твердая убежденность – а вот не дамся, выстою или найду решение. Мне очень много дала необходимость противостоять трем институтским директорам, беспределу в наркомании, отчужденности в образовании.

...Вижу, Галя, как говорится, «накатило»... и все же – немного про скалозание и альпинизм... ведь и это было частью твоей жизни...

Боря, ничуть не накатило – ты спросил, я рассказала. Ну да ладно.

Теперь про спорт. Сначала о своей квалификации: кандидат в мастера спорта по альпинизму и кандидат в мастера спорта по скалолазанию: это два совершенно разных вида спорта. Альпинизм – это восхождения на вершины, это категории сложности, это группа заинтересованных в успехе людей, несколько дней на один маршрут, рюкзаки под 20 и более кг., это выносливость, терпение, сосредоточенность, это снаряжение: веревки, крючья, ледорубы, примусы, палатки, еда, аптека, это реальные опасности и шанс улететь в мир иной. Скалолазание – это маркированный маршрут на 2 или 22 минуты, пояс, скальные туфли, магнезия, секундомер, скорость, судьи, зрители, вопли трибун, результат, победа, протокол.

Когда я училась на матмехе, я много раз пыталась заняться спортом. Были волейбол, легкая атлетика, велосипедная секция, теннис. Ну, было сложно соединить учебу, подработки и спорт. Но вот кончилась учеба, ура-ура-ура. И я сразу пошла в четыре секции: в спортивную гимнастику (я и так в нее ходила), в легкую атлетику – очень хотела освоить гладкий бег, большой теннис и скалолазание. Оставила я все другое, увлеченная скалолазанием, альпинизмом, инструкторством, успехами в соревнованиях.

В скалолазании ты нужен всякий – как спортсмен, как товарищ, как кампанейский человек, как организатор, как повар, как... Ты сразу попадаешь в гармоничную среду – люди, нагрузки, поездки, Карелия, вся страна, сообщества (не только Университет, но и Политехи, ЛЭТИ, Горняки), все радуются друг другу. Вдруг я обнаруживаю, что хорошо понимаю, что я бы сделала, чтобы пройти то или иное сложное место на скале. Здоровья у меня было невпроворот, сильные руки, зарядку мы всегда делали на Смоленском кладбище на пару часов, спортивная гимнастика. Но главное, думаю, все принимающая, гармоничная, комфортная среда.

Успехи пошли сразу. В первый год судьи меня сняли с соревнований за якобы выход за ограничение (обидно было – время было классное). Но на второй год у меня уже было первое время на «Буревестнике», минус штрафные баллы – итого третье место. На первенстве города Ленинграда – заработала, правда, лишь седьмое место – перегорела. Взяли меня на сборы на Чемпионат Союза в Крым. Все показывали на эту восходящую звезду, называли «черной пантерой». На следующий год – я была настроена выиграть оба первенства. Но, увы – перелом лодыжек 30 апреля – на стремительном спуске дюльфером прыгнула в снег (в тот год снега было невообразимое количество), под стопой оказался небольшой камень, и плакали мои лодыжки, плакали и мои первенства в том году, плакала и моя поездка в горы в своей кампании. На следующий

год я стала-таки чемпионкой Ленинграда. В 1974 г. я защитила в Москве в Институте социологии кандидатскую диссертацию и за пару недель до этого выиграла с большим отрывом первенство ленинградского Буревестника и первенство города Ленинграда. «Двойной дубль» — даже была такая заметка в какой-то ленинградской газете.

Я сумме семь раз была чемпионкой Ленинграда в тех или иных видах скалолазания. А также дважды была призером — на чемпионате Советского Союза и на чемпионате ВЦСПС. Были и другие заметные победы.

А тренировать не пробовала?

Как-то оказалось, что я тренирую прилично — ко мне потянулись все девичьи из города. Когда набралось уже под 30 человек — я взмолилась — мы, помню, зимой тренировались в спортзале на Смольной улице, и никаких секций шведской стенки нам уже не хватало. Из моих тренерских успехов. Для начала в общежитии на Детской я раскопала Нину Путинцеву, тоже студентку матмеха, но курса на 2-3 моложе меня, тоже гимнастку. Тот же наш тренировочный полигон — Смоленское кладбище, склепы, огромные деревья для лазания, иногда наши утренние зарядки оформлял какой-нибудь эксгибиционист в кустах. Я Нину поставила на ноги, она стала выигрывать соревнования. Потом на нее положил глаз Виктор Новиков, стал ее персонально тренировать с нагрузками по три раза в день, в сумме она стала 6-кратной чемпионкой Советского Союза. Ученик, что называется, превзошел своего учителя — Нина фактически была профессионалом, а я всего лишь любитель с массой других занятий и увлечений. Многие годы и поныне Нина Тимофеевна Новикова — доцент спорткафедры секции скалолазания СПбГУ. Я элементарно и быстро доводила девиц до 1 разряда, но выше не бралась — нужна была другая отдача и другие вложения.

Я могла организовать тренировки даже на одном пне — на любом минимальном ресурсе. Ходили тогда все мои девичьи на тренировках спокойно по набережной Макарова по верху решетки, отделяющей набережную от Невы — это более метра высоты и ширина всего 10–11 см (!). Помню, выстроились мы человек 5–7 и идем по верху, тренируем равновесие, никому не мешаем. Останавливается милицейская машина, выходят блюстители порядка, а мы все так и стоим на этой «жердочке». Они — типа «слазьте», а мы им в ответ «не слезем, у нас тренировка», «занимайтесь лучше своими хулиганами», а нас за ноги боязно схватить, вдруг мы свалимся на ту сторону в Неву, покрутились они и уехали. Разумные были тогда милиционеры, сейчас бы наверняка «открыли огонь на поражение».

Или еще такая маленькая фишка! Я хорошо подтягивалась, и все мои воспитанницы тоже умели это прилично делать. На скалах в Карелии (наша скальная альма-матер — озеро Ястребиное) до сих пор передается из поколения в поколение легенда — как мы, спортсменки из ЛГУ, «порвали» скалолазов из Горного. А дело было так — в секции ЛГУ не хватало серьезной еды и мы, трое девиц, отправились разводить соседей-горняков, чтобы добыть нужные нам консервы. Наше условие было простое — банку тушенки и банку сгущенки на кон, закладываемся на подтягивание, но первым должен предъявиться их парень. Последнее условие они как-то пытались оспорить, но мы не сдавались. Толпа народу. Выставили они своего молодца — вжик-вжик-вжик... вжик-вжик... пятнадцать,... посмотрел победно на нас,... шестнадцать... и соскочил с выражением лица типа «теперь стреляйтесь». Я подошла — вжик-вжик-вжик... вжик-вжик... шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать. Апофеоз! Забираем банку сгущенки и банку тушенки и удаляемся. Ветераны и молодежь все еще при встрече выражают уважение к моей персоне.

Теперь собственно о социологии... итак, ты вошла в ядовитую лабораторию в 1962 году... очень похоже — первой из математиков, во всяком случае, нашего поколения,

оказалась на социологическом производстве... Ядов, Эдик Беляев вспоминают, как ты их обучала... что тебе помнится? Здесь очень важны детали...

Все жаждали приобщиться к научным методам, а какая наука из социологии, если не будет математики. Помню, я обучала группу О.И. Шкаратана. Он был страшно доволен, что договорился в бухгалтерии Военмеха платить мне серьезные деньги – по 6 рублей за академический час (!). Он сам и 5–6 его сотрудниц добросовестно слушали мои лекции. А я что-то в каких-то книжках вычитывала, все больше по теории вероятностей, сама более или менее пыталась понять что к чему и затем грузила эти теоретические построения на свежую голову ходяков за знаниями. Не думаю, что было все понятно, но первую 20-ти часовую преподавательскую тренировку я получила благодаря Всею Ирмовичу.

Попозже я хорошо стала понимать, что людей нужно научить практическим вещам. Помню, я читала несколько лекций в Университете марксизма-ленинизма. Партийные тетki были чванливые и нетерпеливые, но я их «укрошала» методическим изложением материала. Так что они усваивали и как получать одномерные распределения по отдельным вопросам, и как важно подсчитать средние, и что средних недостаточно, а нужно еще «измерить» однородность ответов группы и обязательно подсчитать средние отклонения...

У Ядова в основном была забота обсчитывать материал, обучала сотрудников по ходу, объясняя, что дают те или иные расчеты и показатели. Техника феерическая – получаешь распределения на табуляторе (так называлось то техническое сооружение), прогоняешь стопку 80-колоночных перфокарт с массивом данных – задаешь колонку для сортировки, и перфокарты проваливаются в карманы в соответствии с их дыркой на анализируемой строке), затем эти рассортированные стопки считаешь – маленькие вручную, большие опять прогоняешь на табуляторе (у него был механический счетчик). Тогда шел всюду первый полномасштабный проект лаборатории «Человек и его работа».

Кстати, первые долгие годы окружающая социологическая публика относилась ко мне с большим пиететом, считала меня высококвалифицированным специалистом, у которого всегда можно проконсультироваться по существу. Теперь же, когда я стала в десятки раз круче, разностороннее и эффективнее, никакой пропорциональности в уважении не обнаруживается, чаще всего наоборот – этакое чванство, типа «подумаешь», единичные случаи, когда как-то заинтересуются, спросят, а что это у вас такое.

За рубежом ситуация другая. Не успели мы с Голофастом показать Элиоту Краузе из Северо-восточного университета США наши данные по четырем социально-профессиональным группам из проекта «Образ жизни» – он тут же приглашает нас на Конференцию в Бостон. На 13-м Всемирном конгрессе в Билефельде пытаюсь показывать дискеты нашу программу ДИСКАНТ для анализа текстовых исследований, и тут же получаю приглашение от Е. Вейцмана из США участвовать в монографии – он делает вторую, после Ренаты Теш, книгу с описанием программ, только что разработанных для качественных исследований. Вскоре получаю приглашение на конференцию по ТЕКСТ-анализу, организованную германским методологическим центром ZUMA в Манхейме. И т.д.

У нас – тотальное равнодушие. Смешно, но никому не нужна программа по анализу текстов – все делают анализ текстовых массивов «на коленке» Одно из уникальных исключений – семинар в мае 2010 года, организованный руководством Факультета социологии СПбГУ для своих сотрудников – для того чтобы послушать только меня. У меня и мысли не было, что я там буду единственная выступающая «солистка» и мне нужно будет озвучить большую «партию» на тему «Качество социологического образования». И у меня оказалось целых сорок-пятьдесят минут (!) – и я захлеб про

гуманистическую социологию, про методический минимум, про методологический максимум, про социальную реальность в образовании, про студентов, про процессы и проекты.... Удалось затронуть множество важных методологических и обучающих коллизий. Семинар вроде выполнил свою миссию, и я вроде была принята, ибо впервые никто не возникал в распространенной в родном отечестве манере «а вот я делаю не так».

Математическое приложение к монографии «Человек и его работа» – это твоя первая публикация?

Это приложение называется «Статистический аппарат анализа первичных данных» и до сих пор является образцом классической прикладной работы – все изложено последовательно, с четкими и реальными примерами (кстати, написала я этот труд через пару лет после своего неблестящего окончания матмеха). Многие социологи в нашей стране использовали нашу монографию как учебное пособие в двух отношениях: и для систематической разработки методологии своих исследований – здесь они пользовались содержательными главами книги, и для систематического освоения инструментария математического анализа данных – это мой большой раздел. Лет через двадцать, встретив меня на одной из конференций в Москве, один из известных социологов страшно удивился – Как? Эту работу написала женщина и она еще и такая молодая, а я-то всегда считал, что ее написал заматерелый ученый.

Ты участвовала в проекте В.А. Ядова по ценностным ориентациям только как математик или уже осваивала некую новую роль?

Был такой бесконечный проект под названием «ЦО» – Ценностные ориентации. Мы его у Ядова начали обсуждать, когда еще шло исследование «Человек и его работа». Помню, одно время мы имели кров во дворце, который занимал политпрос какого-то района на наб. реки Мойки рядом с Невским проспектом. А.Г. Здравомыслов тогда уже ушел. Как раз в то время нами руководил И.С. Кон, Владимира Александровича тогда отстранили от руководства сектором из-за каких-то политических претензий к нему. Обычно наши запланированные заседания проходили по такому формату – Игорь Семенович, поддерживая канонические академические традиции, всегда давал нам 15-20 минут на разминку, опоздания и пр., сибаритствовал, рассказывал анекдоты, мы обменивались новостями. В конце концов, надо было обратиться к научно-академической части, переход к чему оформлялся И.С. такой сакраментальной фразой «А теперь обратимся к нашим баранам» и передавал бразды правления Владимиру Александровичу, чтобы обсуждать уже сам проект.

А у В.А. уже давно зародилась наполеоновская идея, во много раз круче, чем «Человек и его работа» – разработать с нуля социологическую теорию и подтвердить ее действенность эмпирическими данными и проверками. Чтобы доказательство было неотвратимым, нужно было эти ЦО прихватить со всех сторон – во-первых, выстроить их на всех возможных уровнях (набралось таковых как минимум пять) и, во-вторых, учесть все существенное вокруг их – реальные условия в труде и досуге, поведение в сфере труда, в сфере досуга, (позже приплюсовали еще и семью), эффективность в работе, психологические характеристики респондентов и др. Ну, в общем 20 разных методик и в сумме потом получилось 1000 разных признаков на душу одного респондента, не считая обширного интервью (из которого мы выуживали только два показателя). Ну конечно, нужно было разработать надежные методики по всем этим делам, провести солидный пилотаж всего этого исследовательского хозяйства и организовать опросно-исследовательский десант наверное на полгода на 13 или около того проектных институтов Ленинграда. Ну, а в итоге доказать, что ЦО и прочие установки влияют на то, какие результаты у человека получаются. Инженеры были

самой подходящей публикой, чтобы то, что у них в голове и в их намерениях, как-то корреспондировало с тем, что они делают.

Распределили каждому сотруднику разработку методик с учетом его интересов. Я автоматом включилась в проверку каждой методики на устойчивость и обоснованность – как ее отдельных признаков, так и итоговых показателей, вносила предложения по коррективам.

У меня до сих пор полно данных тех проверок. Могу удостоверить, что устойчивость М. Рокича была никакая – эксперимент был и на 12 студентах, и на 50 более серьезных респондентах. Методика состояла из двух автономных списков по 18 ценностей, и респондент должен был дважды уверенно расставлять таковые ценности на 18 мест по их индивидуальной значимости. Большинство ценностей при повторном опросе улетали на 6–8 и более рангов вверх или вниз. Но весь мир до сих пор пользуется Рокичем, доказывает то, чего нет у многих респондентов, и естественно не замечает того, что у них есть, тем более что поменялась и эпоха, и ценности, и смысл жизни. Польза от всего этого огромного материала по проекту ЦО в том, что есть на чем обучать студентов и продвигать аспирантов.

Пожалуй, для меня самая добротная и разумная методика была разработана В.В. Водзинской на изучение ценностных установок и реального поведения человека в сфере свободной от работы – в досуге. Методика в значительной степени не устарела и даже спустя 35 лет студенты, анализируя методику, легко находят ее достоинства и с удовлетворением их отмечают.

В проекте ЦО мне досталась разработка собственной в паре с Ядовым методики ЦО-6 (вроде называлась «Ценностные ориентации в работе»), и была она «прожективной», потому что все вопросы задавались в форме «если бы вам пришлось выбирать между...». Она стала одной из самых компактных и обоснованных методик, с весами на каждый предлагаемый ответ – просто конфетка, хотя конечно весьма искусственная...

А потом три наших славных хлопца – Эдик Беляев, Дима Шалин и Павел Буторин – почему-то в один момент покинули нашу славную родину, перебравшись на ПМЖ за границу. Что поимел из-за этого Ядов, хорошо знает он сам и всякие райкомы-обкомы. Но методики ребят оказались без хозяина, и большинство их досталось мне. Я с чувством зашкаливаемой ответственности подняла эти упавшие было научные «знамена» и гордо пронесла их до самой нашей генеральной публикации «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности». Ядов, когда расписал все наши участия во введении к книге, ахнул: «Саганенко (называл меня то по имени, то по фамилии), у тебя чуть ли не больше всех!».

Еще в этот проект по ЦО я впервые пристроила причинный анализ, насчитала и нарисовала этих причинных моделей видимо-невидимо. До сих пор есть у меня целый альбом этих научных изысков, вот только сейчас до таких тонкостей никто не добирается. Студентам показываю как диковинку – вот до чего мы раньше упирались в нашей научной наивности.

Было в нашей книге «Саморегуляция...» мое убедительное доказательство – значимость влияния фактора (на примере регрессионных моделей) зависит от той совокупности признаков, среди которых он включен в анализ. Ну, например, влияет ли на размер зарплаты такой фактор как, к примеру, общий стаж или такой фактор как возраст. Вот если брать их по отдельности, то о-го-го как влияет и тот, и другой фактор, а если включить оба в одно уравнение – то от возраста не остается ничего, еще и отрицательная нагрузка у него обнаружится.... Я считаю, что это очень важный методологический момент. Но большинство наших аналитиков от социологии запросто игнорируют такие выяснения и произвольно демонстрируют нам простейшие доказательства и «неопровержимые» связи.

В 1974 году ты защитила кандидатскую диссертацию по надежности социологических исследований, в 1979 и 1983 годах появились твои книги по этой проблематике. Эта тема у тебя возникла как обобщение твоей повседневной работы или, наоборот, были общего характера сомнения в качестве исходной информации и результатов социологических исследований, и ты решила посмотреть, что там есть в действительности?

Я же уже говорила — в те времена была этакая очумелость от науки, от ответственности, от способности и возможности все доводить до конца. К тому же с самого первого шага я «подсела» на качество социологических данных. Самую первую работу (помимо диплома), которую предложил мне Ядов, была «дифференцирующие возможности разных шкал» (мы с Ядовым выступали с этими результатами в Сухуми на конференции «Количественные методы в социологии»). На одних и тех же респондентах (30 + 30 человек, две студенческие группы философского факультета, кстати, Валентина Ломовицкая, будущий дока в социологии науки, училась тогда в одной из них) на скромном списке из 7 ценностей мы сравнивали оценки по пяти шкалам (5 баллов, 10 баллов, 5 упорядоченных номинальных формулировок, ранжирование, парные сравнения), материал собирали раз в неделю, итого потратили на опросы целый месяц.

Проверяла я для Ядова все вдоль и поперек, и появлялась у меня масса разных идей, как эффективно анализировать данные. А также вводила в наш научный арсенал все больше и больше математических методов. Когда нас, разные рассыпанные по Ленинграду научные сектора московских учреждений АН, собрали в 1975 году под крышей ИСЭПа, появился у нас тогда такой важный ресурс, как Вычислительный центр на 100 сотрудников (раньше они относились к Математическому институту им. Стеклова). Но они только хотели обучить всех нас языку программирования АЛГОЛ и отправить «на самообслуживание». Но я выдержала на ученых советах института буквально битву за достойное программное обеспечение для социологов. Зав вычислительным отделом В.И.аршавский — вот, мол, Саганенко — математик, а чурается программирования. А я — мы, мол, научимся только выполнять простейшие арифметические действия на БЭСМ-6, а нам нужно сделать доступные стандартизированные программы обработки для любых наших эмпирических массивов и для любого уровня продвинутости исследователей. В результате у нас оказался-таки передовой для того времени пакет разнообразных методов обработки социологических массивов, на него был спрос в стране, В.Т. Перекрест не раз представлял его в Москве.

В общем, сначала появилась книга по изучению сути и качества первичных данных — в первую очередь, стандартизированных опросов, контент-анализа. Материал, на котором мы дотошно сидели 3–7 лет в проекте ЦО. Эти разработки были сначала оформлены как кандидатская «Измерение уровня надежности исходной информации в социологическом исследовании». Книга же называлась более длинно «Социологическая информация. Статистический аппарат анализа первичных данных социологического исследования» и вышла в 1979 году.

Пригласили в 1978 г. польские методологи Лютинские шесть советских социологов на методологическую конференцию в Варшаву (москвичи, конечно, собирались заполнить все эти места сами), но случайно поляки добрались до Ленинграда и обнаружили, что у меня есть масса чего по теме. Излагала я на той конференции множество разработанных мною приемов, как проверять всякую надежность социологических данных, которые потом были описаны в моей первой книжке, выступала перед самим президентом Международной социологической ассоциации Стефаном Новаком, мой доклад длился два с лишним часа (!), он сетовал, что на следующий день не сможет принять участие в дискуссии, но прибыл-таки (это у них такое отношение, если что-то по существу и впервые!)...

Лет 10 после того, как провели полевой этап, я с дикой страстью анализировала

первичные данные по нашим бесчисленным методикам, консультировала социологов в городе, писала статьи. И у меня появилось много идей, что же за материю мы получаем на выходе социологического исследования. Поэтому родилась вторая книга «Надежность результатов социологического исследования». Отмечу, все эти изощренные методология, методы, приемы относились только к стандартизированным вопросам и методикам.

Книгу мы делали с тем же, что в первой книге, редактором издательства «Наука», Ленинградское отделение Татьяной Богдановой; последние штрихи были ею внесены в рукопись, когда я уже вызвала скорую, чтобы ехать рожать Лену. Лена родилась 25.02.83, а книга была сдана в набор 28.03.83. Можно считать, что партнером по этому проекту был мой готовый объявиться миру ребенок.

Во второй книге более креативным, как сейчас говорят, оказался раздел, посвященный выборке и отбору данных, репрезентативности и пр. В принципе был еще хороший материал на третью книгу по устойчивости и надежности результатов от разных математических методов и вообще по сравнению смысла результатов, полученных на одном и том же материале. Но до такой книжки руки так и не дошли.

Что помешало?

Пришла перестройка и сумасшедшая динамичность общества. Для меня стало очевидно, что никакими стандартизированными методами и закрытыми вопросами перемены в мире, стране, личной жизни не схватить и не отследить, и я по уши ушла в новую технологию, стала специалистом по открытым вопросам, классификациям и анализу массивов текстовых суждений, эффективным компьютерным разработкам, обеспечивающим поддержку качественных исследований.

Свыше 10 лет длились супер-трудоемкие, но благодные ежегодные опросы читателей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне ее имя – Российская национальная библиотека) об очередных переменах в стране, что я старалась проводить ежегодно по одним и тем же методикам с открытыми вопросами. Исследование каждого года «садились на голову» предыдущего, еще не сошедшего «на продажу» с моего «конвейера». Материал был сложный, но ситуация в стране и личной жизни людей менялась стремительно, и мне хотелось как-то ее зафиксировать. Именно об этом я каждый год объявляла ученым в залах в ГПБ на Садовой при очередном опросе – «Ваши высказывания – уже свидетельства реального времени и я, прежде всего, фиксирую их и сохраняю для истории»... Нужно было разбираться с массой массивов, начать хоть как-то классифицировать высказываемые респондентами идеи примерно по 30–40 признакам, каждый раз это 6–8 тысяч суждений, самое трудное – научиться все это проговаривать гуманитарным текстом, находить и выстраивать новую терминологию.

Началось также преподавание (тогда, слава богу, был всего один курс – «методика и техника социологических исследований». Сейчас у меня 7 или 8 курсов). Пошли проекты, поддержанные разными фондами. Начались поездки за рубеж.

Мне кажется, что в середине 80-х или чуть позже ты стала отходить от количественного определения уровня надежности социологического измерения к более общей интерпретации этого понятия. Не этому ли была посвящена твоя докторская диссертация, защищенная в 1991 году?

Под докторскую у меня была опубликована монография и сделано множество новых разработок. Идеи разрастались в своем разнообразии и объеме, – материалы уже вылезали как тесто в хорошей квашне из любой нормальной тары, стекали на стол, стулья, на пол. Нужно было что-то решать. Стратегии, как справиться с этим «осьминогом», у меня не было. Но тут вдруг соединись три благодные вещи. Первое –

напряги от студентов и лекций. Второе – вдруг открывшаяся возможность представить диссертацию в виде доклада – можно было отложить на потом миссию спасения всей методологии в стране и мире и выбрать какую-то одну четкую перспективу. И третье – учение Шри Чинмоя – современного индийского философа; на встречу с его последователями нас по радио заманивала кафедра иностранных языков Финэка. По пункту 1: я запросилась в «академку» от тягот преподавания, хотя бы на пару месяцев, что, мол, надо бы завершить докторскую (о диссертации удачно напомнил директор Б.М. Фирсов). Оказалось, что сидеть за своей конкретной (хотя и безбрежной) научной темой в сто раз проще, чем крутиться на 360 градусов перед студентами с преподаванием всего и вся по методологии и методам. По пункту 2: оказалось, можно защищаться по докладу и я выбрала только одну глобальную идею – уже упоминаемые мною три уровня эмпирической доказательности в социологии, которые так замечательно усиливали друг друга. По пункту 3: я действительно дошла до той встречи и медитации. Все хорошо легло на мое настроение ощущать себя в этом мире: вставать рано, со всеми здороваться, медитировать, с радостью относиться к миру, легко двигаться в мире своих идей... И вот на колоссальном драйве, в один присест я написала каркасный текст «Уровни эмпирической доказательности в социологии». Я боялась даже объявить, что написала свой «шедевр» за три недели. Естественно, это был очень сырой драфт, но я уже поставила его обсуждению на заседании сектора социальной политики, в котором я тогда числилась. Никита Серов, один из немногих кто читал и более того квалифицированно разбирался в читаемом, – отметил как уникальные некоторые мои постановки, среди них «конкретность исследовательской ситуации». Самым непримиримым критиком моей методологии оказалась Лиля Бозрикова, которая пыталась приписать мне игнорирование значимых фигур социальной мысли того славного времени. Но тут у меня был убедительный аргумент – моя диссертация была в форме доклада, и тем самым все проблемы со скромным объемом текста и отсутствием цитирования выдающихся персон снимались. В общем, сектор диссертацию одобрил и сделал соответствующее заключение.

Я уже всю переписывала текст. В те времена у нас не было персональных компьютеров, и самым почитаемым работником в научной среде была профессиональная машинистка. Еще в предшествующий период своей научной одиссеи я выработала «принцип трех итераций» – три перепечатки и ни на одну больше. Излишнее совершенство вредит производству. Так я писала кандидатскую, после третьей итерации обнаруживала опечатки, но не убирала их, считая, что они придают некоторое очарование сухому академическому тексту. С докторской я обошлась по тому же формату.

Я попросила поставить мое выступление на ученом совете нашего филиала, хотя по ВАК-овским нормативам этого и не требовалось. Обсуждение на Ученом совете в Филиале было в конце мая 1990 г. – там уже ранг присутствовавших был намного выше. И текст был уже другой. Пиетет к моей персоне был высоким, никто не думал наезжать на меня из личностных пристрастий, ставить меня на место. Отмечали в основном мои первопроходческие заслуги, делали замечания по отдельным оборотам, уточняли суть моих уровней эмпирической доказательности в социологии.

В начале июня с третьей итерацией текста я была уже в Москве, в Институте Социально-политических исследований АН СССР, делала доклад на заседании диссертационного совета, которым руководил Геннадий Васильевич Осипов. Там уже собралось четыре директора института (Осипов, В.И. Ядов, предшественник Ядова – В.Н. Иванов, и кто-то еще), А.Г. Здравомыслов, в общем вип-персоны от социологии. Я уже была почти на равных с этими реномированными персонами и методологические заслуги мои считались бесспорными, я убедительно объясняла слабости методологических позиций, которые были задействованы в отечественной

социологии. Геннадий Васильевич предложил мне самой назначить день защиты, я подсчитала – что только с осени все закрутится, распечатка реферата, рассылка и все такое и выбрала 30 октября.

Моими оппонентами были Геннадий Батыгин и Владимир Паниотто из Киева, тогда еще был Советский Союз, и было единое научное пространство. Батыгин сообщил мне, что отзыв написал (но не передал его ученому секретарю совета Марине Покровской), Паниотто считал, что отправлять отзыв по почте или привезти его с собой – то на то и получится. В итоге ученый секретарь М. Покровская заявила, что раз нет отзывов, она не будет делать рассылку членам Диссертационного совета и что вообще обычно все это делают сами диссертанты и пр., и пр. Я сказала – нет проблем, завтра приеду. Пошла на вокзал, мест не было, удалось договориться только на третью полку за полную стоимость в плацкартном вагоне. Когда я устраивалась на ночь на верхней полке, сосед по купе смотрел на меня с глубоким удивлением и сочувствием. Я утешила его, что ситуация на самом деле смешная, а не драматическая. И успешно прибыла в Москву на свою докторскую защиту.

Были ли какие-либо неожиданные предложения после защиты?

Кстати я вспомнила о более ранних «неожиданных» предложениях. Перед защитой еще кандидатской я выступала на семинаре в Институте социологии в Москве. Г.В. Осипов сразу же отметил методическую выверенность и полезность моих разработок и сделал мне сразу два предложения. Первое – тут же прочесть цикл лекций для аспирантов Института Социологии, чтобы повысить методическую грамотность будущих специалистов. Все аспиранты были собраны как по тревоге, их было целый зал, и я прочла за ближайшие пару дней часов на 6 лекций.

Второе, благодаря моему докладу, Осипов вдруг обнаруживает, что его детище, уже почти готовая к публикации «Рабочая книга социолога», имеет существенный пробел – отсутствие раздела о методах выявления качества первичных данных, и попросил меня срочно засесть за его написание. Я, естественно, согласилась. Он вызвал меня командировкой в Москву, поселил меня на месяц в «купеческой» гостинице «Спутник», приставил ко мне «цербером» Владимира Андрееенкова, и я стала готовить материал. В общем «Рабочая книга» вышла с полным «боекомплектом».

Когда я выступала на докторской предзащите, Г.В. Осипов предложил мне работать в его институте экспертом по методическим вопросам, и я не отказалась. Проработала я у него года так три. По моей концепции и разработанной мною методике было проведено исследование «Ситуация в общественных науках» (о настоятельности проведения такого исследования было тогда Постановление Президиума АН и Г.В. Осипов взялся провести требуемое исследование). Общая численность тогда высшего слоя АН СССР (членов-корреспондентов и академиков) была вроде 886 человек. Г.В. Осипов кого-то послал в командировку в Дальневосточное, Уральское и Сибирское отделения Академии наук, кого-то – в научные центры на юг. Я опрашивала в Ленинграде.

Но началось мое исследование с общения с А.А. Фурсенко, он был тогда заместителем Ж.И. Алферова, а я должна была выступить лишь «эmissаром» – передать 86 анкет в Ленинградский научный центр (столько тогда было академиков и членов-корреспондентов в нашем городе). Встретились, беседуем, все нормально. Выкладываю анкеты и вдруг: «Нет, нет и нет, исследование вам только навредит...». Я удивилась – «Но это же не мое исследование!». Оставила анкеты, считая, что вопрос будет решаться не мною. Но А.А. Фурсенко тут же отбыл в отпуск, а анкеты осели у какого-то клерка.

Звоню Г.В. Осипову в Москву и рассказываю о ситуации. Он спокойно отреагировал на мое сообщение и предложил мне: «А вы, Галя, опрашивайте сами.

Есть такой справочник Who is who, там вы все имена найдете».

Это была особая для меня коллизия — общаться с учеными этого уровня по данному поводу в данном формате. Сначала я страшно «заскучала» — как это лезть к ученым с какими-то анкетами и «скучала» долго, недели так две-три. Потом вдруг подумала — а чего ты так страдаешь? да, когда ты еще сможешь провести такого уровня исследование — опрашивать академиков? тебе ведь такое уникальное поле подготовили! В общем, поменяла я установку со страдательной на заинтересованно-познавательную. Нашла я этот справочник, выписала имена и фамилии 86 потенциальных респондентов, адреса институтов и телефоны. Еще несколько раз повздыхала перед первым звонком и начала с Александровых. Их в моей картотеке оказалось трое.

Самое трудное, мне казалось по началу, передать персонально анкеты и, когда я в Ленинграде довела выборку человек до пятидесяти (далее выборка окончательно забуксовала), я поняла, что самое трудное — не раздать анкеты, а получить их обратно с ответами. Всего я получила 34 заполненные анкеты. Очень прилично, учитывая загруженность, разъезды, возраст, болезни и даже две смерти академиков. Всего по стране было собрано 202 заполненные анкеты, от академиков и член-корреспондентов. Ответили тогда на анкету ведущие ученые, социологи, экономисты, филологи... — анкеты, как правило, были подписаны — интересно было читать ответы Т.И. Заславской, А.Г.Аганбеяна, А.Д Александрова. К сожалению, когда я уже не могла регулярно появляться в Москве и, прощаясь с ИСПИ, я не догадалась попросить отдать мне анкеты. Я храню все собранные мною анкеты с открытыми вопросами по разным исследованиям, плюс у меня есть все их электронные базы данных. Сегодня это учебный, научный и даже исторический материал.

Уже многие годы ты как социолог работаешь с общественной организацией «Матери против наркотиков». Что тебе удалось сделать в этой области?

Когда я оказалась в «Азарии» («Матери против наркотиков» — это только наш девиз), организация имела всего один рабочий стол на 4-м этаже на Измайловском проспекте 14, прямо под нашим институтом (столом в своей рабочей комнате поделилась с нами сочувствующая нам сотрудница из какого-то отдела). Разные организации города выделяли нам помещения, чтобы мы могли проводить наши семинары, вести консультации и встречи. Долго мы бились за получение собственного помещения в разных районных управлениях городского имущества.

На Измайловский-14 мы привели русского князя Андрея Гагарина, очень пожилого человека из США, который создал в Санкт-Петербурге фонд «Развития человеческого потенциала», и мы получили там первый для меня грант. В 2000-м году Адмиралтейское КУГИ выделило нам (наконец-то!) в аренду на 5 лет помещение для работы «Азарии» — разбитое в хлам цокольное помещение на 177 кв. метров, без пола, с тоннами битого кирпича, без канализации и др. Ремонт помещений государство «доверяет» самим НКО. Хотя говорится в каких-то документах, что ремонт будет включен в счет погашения арендной платы — ничего такого не было, даже не заикайся. В 2005 году «Азарии» с трудом продлили арену только на 1 год — за пять лет ровно три раза мы не проплатили аренду на предстоящий квартал вперед до 11-го числа (страшное прегрешение организации, которая на свою работу ни рубля не получила от государства).

За счет гранта сделали минимальный ремонт и провели исследования. Наш волонтер Е.А. дотошно три месяца записывала звонки в Азарию — набралось 250 звонков, из которых мы сделали электронную базу данных. Звонки были из Питера и других городов: иногда от самих наркозависимых, чаще — от родителей и соседей. Проанализировали и узнали, какой спектр ситуаций в семьях, когда они начинают обращаться к общественным ресурсам. Волонтер Н.В., по моей просьбе, начала

собирать биографии от родителей с описанием того, как проблема наркозависимости детей вошла в их семьи.

Независимый институт социальной политики поддержал в 2001 году нашу заявку, и при участии волонтеров «Азарии» я смогла реализовать большой исследовательский проект на 12 модулей. Я буквально захлебнулась от обилия материала и поняла, что исповеди и ужасики, так любимые журналистами, ни на йоту не помогают российскому обществу продвинуться в понимании проблемы.

В 2003-м и 2004-м годах два моих международных проекта были поддержаны Советом министров Северных стран. Я в качестве руководителя сетевых проектов получила важнейший опыт перемещаться в «международном пространстве»: организовывать международные мероприятия, возить туда и приглашать сюда людей, наши партнеры по проектам Финляндия, Швеция, Литва, Эстония, Санкт-Петербург, Северо-запад России. За счет нового гранта Фонда Гагарина удалось поднять из небытия около 15 российских родительских организаций, познакомить их друг с другом, узнать разнообразный опыт и специфику развития помогающей деятельности на местах. В начале 2005 на базе собранного разнообразного биографического материала опубликовала книгу «Лицом к лицу с наркоманией» с важным подзаголовком «Перемены идут, перемены возможны».

Для трех лидеров российских родительских организаций Институтом «Открытое общество» было организовано турне по шести городам Германии, чтобы мы ознакомились с историей социальной политики в области наркомании и эффективно действующими в стране структурами и программами. Были еще учебно-ознакомительный семинар, посвященный опыту разных стран по введению заместительной терапии в Медицинской Школе Аннеберга в Зальцбурге, конференция по сексуальным и репродуктивным правам наркопотребителей в Амстердаме. Выступала на международных конференциях в Софии и Москве с докладами на тему о специфике российской антинаркотической политики, о статусе наркозависимых больных в стране, о потенциале движения родителей, эффективности работы через родителей. За последний год выступила раз восемь на разных конференциях, круглых столах, пресс-конференциях.

В нашу организацию (я председатель организации уже девятый год) каждый день приходят на свои программы до 120–160 человек. В «Азарии» 10 постоянно действующих видов деятельности – еженедельный семинар для города с выступлениями разнообразных ведущих специалистов в этой сфере, телефонные консультации, первичный прием родителей волонтерами, 15 групп самопомощи, подготовка ежегодного справочника, рассылка ежемесячного бюллетеня и др. А также отдельные поддержанные фондами проекты.

Мне есть что сказать на любом уровне встреч и обсуждений о ситуации с наркоманией и об антинаркотической политике в нашей стране. В последнее время я публично заявляю – наркомания стала выгодна всем: власти, здравоохранению, милиции, СМИ, адептам профилактики и, как оказалось, исследователям (последние защитили уже сотни диссертаций). Невыгодна она только зависимым ребятам и их семьям.

Уже первые два-четыре года работы и исследований в «АЗАРИИ» дали мне как социологу на порядок больше, чем 20 лет самой дотошной работы в секторе Ядова. А сейчас уже прошло более 10 лет как я в «Азарии». Как я благодарна тому, что плохо училась в университете – ибо стала понимать, почему фунт лиха и убрала свою школьную «звонкость», так же я благодарна и тому, что оказалась на этом проблемном поле. Пришло понимание социальной реальности, осознание реальных проблем и общества, и людей, обнаружилось колоссальное разнообразие источников для социологического анализа, пошла реальная отдача и в прикладной деятельности, и в науке, на

общественном поприще. Я одна из немногих социологов имею такую структуру как общественная организация, которая обеспечивает мне иные возможности реализовать множество жанров взаимодействия с обществом, разбираясь с проблемами на макро и микро- уровнях по наркомании (и не только), включать студентов в волонтерскую деятельность.

Количество эмпирических проектов, которые я реализовала одна — более полусотни, в том числе лонгитюдный, базированный на текстовых ответах проект длиной 12 лет. Я твердо уверена, что лучше делать небольшие проекты, делать их много, в разных областях и разного жанра, чем один «на все времена». Ядовский проект по ЦО — это на круг 13 лет, 13 сотрудников, 13 бюджетных ставок, не болит голова за аренду помещения и коммунальные услуги, за тираж методик и пр., и пр. Это тогда, при всех недостатках советского строя, можно было мобилизовать еще и мощный партийный ресурс.

Уже два десятилетия ты все более азартно, самозабвенно преподаешь социологию. Когда в 2008 году на социологическом конгрессе в Москве ты рассказывала мне немного об этом, у тебя глаза блестели,... чем сейчас тебя привлекает эта деятельность?

Последние годы я стала считать, что все социальные и личностные проблемы в основном идут от неадекватного образования, хотя «нормативная система» образования имеет значительные ресурсы, чтобы оказывать влияние и вносить общественные перемены (значительно большие, чем семья). Генеральная проблема системы образования, однако, состоит в неадекватных содержании учебного материала и форматах обучения/ коммуникации по поводу знания — это мое убеждение, подкрепляемое массой аргументов. Содержание учебников отчуждено от коллизий современного общества и от проблем реального человека. Никакой опыт маленького ли, взрослого ли учащегося не нужен системе. Форматы обучения не предполагают коммуникации, партнерства, совместного поиска.

Начну «сначала». Поскольку аспирантуру я не оканчивала и никаких систематических учебных лекций по социологии никогда не слушала, то, начиная в 1989 году в Академии культуры (нынче Санкт-Петербургский университет культуры и искусств) готовить социологов, я пошла чисто по академическому варианту. Для меня маяком была твоя, Борис, лекция, прочитанная как-то в ИСЭПе для тамошних аспирантов. Конечно, как всегда первая лекция была на тему «Объект и предмет социологической науки». И я тоже взялась объяснять студентам, что есть предмет, что есть объект социологической науки. Народ стонал, поскольку в лекции соединились вперемешку классические пассажи по предмету науки, разнообразие позиций реномированных персон, основные направления научных исследований в СССР и вздыбленная реальность 90-х годов. И все это я пыталась донести до понимания начинающих социологов с учетом того, что лектор я тогда была молодой и неискушенный. Так получилось, что тогда в своем преподавании я не опиралась на свой опыт: книги, диссертации, результаты двух десятилетий собственных изошренных эмпирико-методико-методологических исследований. Перед каждой лекцией я тупо нагребала уйму чужих книг и выискивала зерна, перлы и прочие замечательные фрагменты в священных письменах. Случалось, что я забывала листочек с выписками. Начинались паника и судорожные попытки вспомнить, чего же я там понавывисывала... Никто никогда не учил нас доверять самим себе.

... начиная преподавать, все нервничают, испытывают неуверенность... что потом?

Потом я осознала все это, отбросила стереотипы и придуманные правила и встала на собственные ноги. Теперь главное, что я пытаюсь добиться и в отношении студентов, — поставить их на собственные ноги, чтобы они начали доверять самим себе.

Попробую донести мой подход в серии взаимосвязанных идей-тезисов. Хотя на бумаге ниже они идут в какой-то последовательности, но используются в преподавании в разном сочетании и разном порядке. И пусть это будет так.

Студенты должны начать говорить с первого дня, а не когда придут экзамены или будет специальная подготовка к семинару. С первого дня и по любому социально-нагруженному поводу. Беру, например, переведенный на русский учебник Э. Гидденса, делаю ксерокс оглавления, разрезаю его на главы и раздаю по листочку студентам. Прошу их на базе этих нескольких формулировок, рассказать, что такое у Гидденса доставшаяся ему «социология тела и здоровья» или «социология семьи». И сама беру листочек, чтобы самой почувствовать характер этого задания.

Знание должно быть каркасным и с самого начала. Хотя я не преподаю общую социологию и мои лекции идут только со второго курса, я не вижу, что у студента есть целостное восприятие социологии – поэтому привлекается Гидденс. Знание у меня строится кумулятивно и аддитивно, каждый делает свою часть (как в примере с «листочками» из Гидденса), а в сумме получается частично полный Гидденс. Полное оглавление затем раздается для изучения и пополнения картины, что есть социология через ее составляющие. В заключение – листочки-шпаргалки убираются, и каждый пишет по памяти, что Гидденс построил в свою социологию, необходимо (коряво, гладко, как угодно) пояснить, что содержит каждая из глав Гидденса.

На экзамене по методологии на третьем студент сдает не один, а все 30 вопросов, они те же, что и на госэкзамене. Вопросы солидные, каждый примерно на кандидатскую. К примеру: «Социальная и социологическая информация. Вопросы взаимного перехода». Для каждого вопроса я задаю «каркасную структуру». Так, названный вопрос я раскрываю следующим образом: «Разнообразие и виды социальной информации, создаваемые в обществе. Проблемы доступа к информационным ресурсам – общественным и индивидуальным. Виды социологической информации, способы ее актуализации. Социологическая информация как база данных, как совокупность систематически организованной информации, содержащая единицы наблюдения (объекты) и описывающие их тексты/ признаки. Вопросы взаимного перехода – от социальной к социологической информации и наоборот». Это всего-навсего один вопрос.

На экзамене студент должен перечислить по памяти максимум позиций из 30 и пояснить смысл каждой. За первый заход каждый может сделать только часть, например, 12-16, при этом обнаруживается, что в 3–5 вопросах студент «не въехал» в их суть. Получает перечень вопросов на следующую итерацию, и так за несколько ходов он доберется до самостоятельного освещения всех 30 вопросов. Результат нормальный, все живы, все осилили высшую методологию и даже перевели их в свою голову. Конечно, мелкие истерики бывают: мол, чересчур долго, есть хочется. Но я же, говорю, предупреждала – приходите с бутербродами. Только что на лекции в сентябре пятикурсники с удовольствием вспомнили эффект от той сдачи тридцати вопросов «оптом» на третьем курсе.

Еще главный метод обучения – «выставка» (на экзамене тоже все чаще его использую). Раскладываю разный материал, штук так 10–15. Это может быть отдельная анкета, массив заполненных анкет, таблица из биометрических методов Ю. Урбаха, книга «Голоса молчащих» (о насилии в семье), устойчивость данных по М. Рокичу, каталог поддержанных грантов, рейтинг университетов, чей-то диплом... Объясняю на примере 2–3 кейсов, как бы следовало отдельный материал анализировать и как про него говорить, как выстроить оптимальную презентацию. Нужно каждому за занятие/экзамен/зачет сделать анализ 3–5 примеров, найти их принципиальные детали. И рассказать это другим – поделиться с другими и этим материалом, и своими открытиями. Все начинают достаточно быстро разбираться в самом разном материале,

научаются выстраивать презентацию продуктов разного жанра, самостоятельно и аргументировано говорить.

Существует проблема: студентам сложно найти темы для курсовых и дипломных работ. За пять лет учебы студент «по нормативу» должен сделать 4 проектные разработки. Но если преподаватель не борется с рефератами в качестве курсовых проектов, не отслеживает содранные тексты, то и четырех собственных работ не набирается. Преподавание методов не предполагает, что накопление тематического разнообразия реальности – это отдельная коллизия и этим надо специально заниматься со студентами. Для этого используются разные приемы, в частности выполнение заданий в виде «кейсов» и «разговоров». Главное не выучить учебник В.А. Ядова по методам, а выработать ощущение эмпирического разнообразия реальности – так что темы начинаешь видеть тут и там, ощущать их привлекательность, желание ввязаться в ту или иную познавательную коллизия.

Мне кажется, что твой преподавательский стиль просматривается...

...сейчас только добавлю одну деталь. Вообще-то свою первую встречу со студентами я начинаю не с Гидденса, а с принципиально иной, архи-важной коллизии. Я учу их видеть вокруг себя и отслеживать самого себя в разных социальных контекстах. Первое обращение к группе: коротко скажите «кто вы» и так, чтобы я могла выделить «вашего лица необщее выражение» и запомнить. Только не говорите, что вы студент, 2-го курса, что вам 18 лет и пр., это все мы знаем почти точно. Хоть какую-нибудь «фишку» о себе. Паника – впервые смотрят на себя, что же я есть такое, большинство с огромным трудом находит что-то сказать о себе. Объясняю – вот видите, вы в учебном процессе никому не были нужны, поэтому вы уже себя забыли, вы нужны в учебном процессе лишь только как школяры – записали, выучили, ответили, получили оценку. Потом на каждое наше занятие они приносят по «три кейса» - три социально-нагруженных эпизода, которые за неделю так или иначе заделали их. Прошу их писать кратко и по существу только фактуру этого социального фрагмента, в чем их открытие, каково их заключение. И еще одно задание: нужно принести один «разговор» – через какого-то другого человека открыть другой мир. Это не интервью, в котором спрашивающий ведет свою линию, здесь живой интерес, желание сделать так, чтобы собеседник приоткрыл двери в созданные или открытые им миры...

Галя, спасибо тебе огромное. Надеюсь, еще поговорим и о прошлом, и о твоих новых достижениях.

Борис, что меня не удовлетворяет в нашей беседе? Мне не удалось сказать, к чему я пришла. О гуманистических миссиях образования, о том, что другое образование/обучение возможно, что есть для этого адекватные и эффективные инструменты, как появляются увлеченные студенты... Что образование это освоение/открытие для себя социальных и культурных пространств, усиление доверия к самим себе (и студентов и преподавателей тоже), изменение характера и способов коммуникации в образовательном процессе... Что обучение/образование дает ощущение, что дорог впереди много, что дороги хватит на всех...

Если не будет меняться образование по существу, мало что изменится, а общество и человек будут продолжать нести колоссальные потери...

Тем более, есть повод продолжить нашу беседу.